

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ЮЖНОЙ АЗИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

Переселение торговцев, рабочих, студентов, предпринимателей из Южной Азии за рубеж и формирование там новых этнических и конфессиональных меньшинств стало значимым событием современной истории. Трудно не согласиться с мнением И.П. Труфанова: «Такой сложный вопрос, как эмиграция из Индии, можно правильно понять, лишь исходя из совокупности социально-экономических условий, присутствующих самой Индии и тем странам, в которые был направлен поток индийской эмиграции. То, что некоторые страны были центрами притяжения индийских рабочих, несмотря на их географическую отдаленность от Индии, лишний раз свидетельствует о решающем значении социально-экономических условий, сложившихся в Индии и странах иммиграции» [Труфанов 1967: 111–112].

В то же время просто трудовой миграцией или перемещением беженцев это сложное явление назвать нельзя, хотя и то, и другое имело место. Речь идет о комплексном явлении, которое стало возможным лишь благодаря существованию колониальных связей, возникновению ниш в экономической системе Англии и ее колоний и сначала было спровоцировано созданием Британской империи и внутримперским разделением труда, а затем существовало в рамках Британского Содружества. При этом можно отметить значительное движение южноазиатов в рамках этой структуры и освоение ими новых пространств.

Страны Индийского субконтинента, из которых происходила рассматриваемая эмиграция, известны большой численностью населения. В одной Индии в настоящее время проживает более миллиарда человек, и еще более 300 млн насчитывает население Пакистана и Бангладеш. Индию, Пакистан и Бангладеш отличают особенно высокие темпы роста населения, следствием чего являются его дальнейшее омоложение, аграрная перенаселенность (большинство населения Южной Азии живет в сельской местности), безработица.

Индийский субконтинент, население которого в настоящее время превышает 1 млрд 300 млн чел. и которое продолжает расти, увеличиваясь на 2 % ежегодно, обладает огромным потенциалом в качестве источника избыточного мигрирующего населения. Индийский демограф А. Бос, который изучал переписи населения Индии, проводившиеся ка-

ждые десять лет на протяжении двадцатого столетия, отмечает, что в 1901 г. население Индии составляло 238 396 327 чел., в 1911 г. оно выросло на 5,75 % и составило 252 093 390 чел. В 1931 г. население Индии составило 278 977 328 чел., что означало рост на 14 % по сравнению с 1921 г. В 1941 и 1951 гг. отмечался рост населения на 14,22 и 13,31 % соответственно.

Учитывая раздел Индии на Индийский Союз и Пакистан в 1947 г., мы можем предположить, что реальный рост населения был еще выше. В 1961 г. население Индии равнялось 439 234 771 чел., в 1981 г. — 683 329 097, в 1991 г. — 843 930 861, при этом рост за каждое из трех десятилетий превышал 23 % [Bose 1991: 56]. Имея опубликованные в Интернете данные по переписи 2001 г., мы можем прогнозировать дальнейшее увеличение на 25 % [Census of India 2001]. Население Индии за сорок лет может удвоиться, значительно вырастет население Пакистана и Бангладеш, причем в Южной Азии не существует никаких действенных механизмов регулирования его роста.

Заметим, что при избытке безземельных и безработных сельских жителей и огромном миграционном потенциале население субконтинента в целом достаточно инертно. Это отмечал и классик британской географической мысли О.Х.К. Спейт в середине двадцатого века [Спейт 1957: 130].

Южноазиатский регион (историческая Индия) имеет достаточно четкие физико-географические границы с другими регионами и, как следствие, столь же определенные и труднопреодолимые политические границы с другими странами. Кроме того, пограничные страны также имеют достаточно большое население и высокую его плотность в районах с плодородными почвами и благодатным климатом. Так что перемещение по суше крупных масс индийского населения на соседние территории было проблематичным. С достаточно ранних времен наблюдался обратный процесс миграций и военных походов в Индию легендарных ариев, персов, греков, гуннов, саков, монголов, тюрок, афганцев.

Индия оказалась недостаточно благоприятной страной для жизни и размножения лошадей — верных спутников и ездовых животных кочевников. Основным тягловым животным у индийцев был буйвол, в войнах и походах преобладали пешие войска. Верблюды, используемые в караванной торговле, применялись главным образом для перевозки грузов. Именно торговля привела к появлению древнейших из известных нам индийских колоний — поселений за пределами Южной Азии.

Преодолению естественных препятствий для эмиграции индийцев с субконтинента способствовали англичане, утвердившиеся после битвы при Плесси в 1757 г. в качестве наиболее влиятельной силы в Южной Азии и в течение почти двух веков господствовавшие там. Англичане

создали огромную колониальную империю, в которой Индия уподоблялась бриллианту в короне их владений. Британцы сделали многое для высвобождения части южноазиатского населения и использования его для нужд своих других колоний. При этом на многих подвластных англичанам территориях (Восточная Африка, Малайя) уже имелись общины индийцев, преимущественно членов гуджаратских и тамильских торговых каст.

Таким образом, можно говорить об *инкапсуляции* — проникновении индийских торговцев в общества соседних и заморских стран, которое предшествовало британской колонизации Индии. Однако процесс не был массовым, да и единым не был, ибо гуджаратцы и тамилы не воспринимали своего родства и редко пересекались, так как первые осваивали территории к западу от Индийского субконтинента, а вторые — к востоку от него. Именно британская колонизация Индии сделала процесс миграции из Индии массовым. К тому же объединение большей части Южной Азии в единое целое произошло благодаря английскому завоеванию. Вполне логичным следствием политики британцев, создавших транспортные маршруты между метрополией и колониями, стало появление уже в относительно недавнее время значительной южноазиатской диаспоры и в самой Британии.

Британцы, создавшие огромную колониальную империю, включавшую Индию, владения в Северной и Центральной Америке, Вест-Индию, африканские территории, Австралию, Новую Зеландию и т.д., стремились полностью использовать природные и человеческие ресурсы для получения максимального дохода. В частности, с этой целью из Африки на острова Вест-Индии завозили рабов вместо истребленных или не желавших работать на плантациях сахарного тростника и других культур индейцев.

После отмены в 1833 г. рабства англичане не сумели избежать ухода негров с плантаций вглубь островов, прежде всего на Ямайке и Тринидаде. Вместо последних сюда стали привозить наемных рабочих из густонаселенных владений Британии, прежде всего из Индии. Как отмечает А.Д. Дридзо, «вывоз индийских рабочих в другие английские колонии проходил под неослабным надзором колониального правительства Индии и юридически оформлялся долго и не без затруднений» [Дридзо 1972: 268]. И все-таки британские колониальные власти обладали большими, чем кто-либо, возможностями для отбора, транспортировки населения за тысячи километров от родных мест, их принятия и поселения на новых территориях. Несколько британских владений, получивших название «сахарных колоний» — Тринидад, Гайана, Маврикий и Фиджи — приняли особенно значительное число индийских рабочих.

В XIX в. индийцы выезжали в качестве рабочей силы на Цейлон (Шри-Ланка), в качестве рабочих, военных и чиновников, а также торговцев — в Бирму, Восточную и Южную Африку, Малайзию, Канаду. Логическим развитием проникновения индийцев на территории, подконтрольные Британской Империи, стало их появление в метрополии.

Индийская эмигрантская община в Великобритании сложилась в начале XX в., массовой южноазиатская иммиграция на Альбион стала после 1947 г. Между тем первые индийцы появились в Великобритании гораздо раньше — еще в XVIII–XX вв. вместе с так называемыми «*набобами*» — чиновниками Ост-Индской Компании, путем хищений составившими в Индии огромные состояния и вернувшимися на родину. Как правило, «набобов» сопровождали верные слуги: охранники-«*сипаи*», секретари-«*муниши*», служанки и гувернантки-«*айи*».

В портовых городах Англии появились моряки-*ласкары* и циркачи-*генту*. Многие индийские аристократы приезжали в Англию для обсуждения имущественных вопросов с директорами Компании. Так, великий индийский патриот и религиозный реформатор Рам Мохан Рой (1772–1833) прожил многие годы в Лондоне, а последние дни своей жизни провел в Бристоле, где и скончался.

Великий сын индийского народа Дадабхай Наороджи (1825–1917) значительную часть жизни провел в Лондоне, в 1892 г. он стал первым индийцем, избранным членом английского парламента (от либералов). В 1895 г. от консерваторов был избран индиец Манчерджи Бхавангри, а в 1922 г. другой индиец — Шапурджи Саклатвала — стал представлять в английском парламенте городские низы лондонского Ист-Энда. Примечательно, что все три индийских парламентария — *парсы*. Именно парсы из Гуджарата, а также образованные бенгальцы составили основу миграции профессионалов — докторов, юристов — из Южной Азии в Англию в XVIII–XIX вв.

Именно в Лондоне возник в 1905 г. и первый эмигрантский революционный центр. Шьямаджи Кришнаварма основал здесь Общество индийского гомруля и журнал «*Indian Sociologist*» («Индийский социолог»). Кришнаварма открыл в Лондоне «Индийский дом», общежитие и политический клуб, в работе которого принимали участие В. Саваркар, В. Чаттопадхьяя, С. Равабхай Рана, В.В. Айяр и другие видные политические деятели.

Наряду с индийскими политиками и эмигрантами-революционерами в Великобритании появились моряки-ласкары, преимущественно мирпурцы и бенгальцы, часто покидавшие в портах свои суда и находившие работу в доках или занимавшиеся мелкой розничной торговлей. В Оксфорд приехало немало индийцев-студентов, преимущественно учившихся в Баллиол-колледже, декан которого Б. Джозуитт

поощрял особые отношения Оксфорда и Индии (подробнее об этом см.: [Котин 1996]). В Англии учились великие индийские лидеры: М.К. Ганди, Дж. Неру, И. Ганди и многие другие.

После Первой мировой войны в Англии появились панджабцы-сикхи (преимущественно джаты), которые несли там военную службу, а также работали докерами в портах и на предприятиях Саутгемптона, Бристоля, Кардиффа, Глазго, Ньюкасла [Ballard 1995: 93]. В 1930-е годы в Лондоне, Бирмингеме, Лидсе, Глазго, Ньюкасле появились панджабцы, занимавшиеся розничной торговлей [Werbner 1990]. В 1932 г. в Англии было зарегистрировано более семи тысяч индийцев [Дридзо и др. 1978: 10].

Годы Второй мировой войны значимы в том смысле, что южноазиатские моряки, солдаты, служащие попадали на Альбион на довольно длительный срок. Они сумели определить возможные сферы приложения труда, завязали контакты, позднее легшие в основу сетей миграции. Так, историк британской индийской армии Фарвелл упоминает две транспортных команды, укомплектованные панджабцами. Эти команды участвовали в военных действиях против фашистской Германии, были эвакуированы из Дюнкерка в мае-июне 1940 г. и расквартированы в западной Англии и Шотландии [Farwell 1989: 306]. Согласно Бартону, аналогичным образом первые выходцы из округа Силхет (ныне — в Бангладеш) попали в Ньюкасл-апон-Тайн. Первые индийцы, попавшие в Англию до обретения Индией независимости, создали прецедент, образовали сети цепи индийской миграции, но массовой она стала только после 1947 г. [Barton 1986: 48].

В 1947 г. Британская Индия обрела независимость, омраченную разделом страны по конфессиональному принципу. С этого момента преимущественно индийская по происхождению община в диаспоре оказалась разделенной. В 1972 г. раздел Пакистана на собственно Пакистан и Бангладеш привел к дальнейшей путанице в терминах.

В данном исследовании мы будем пользоваться понятием «южноазиатская диаспора», говоря о индийцах, пакистанцах и бангладешцах как о части этой диаспоры. При этом индийская составляющая южноазиатской диаспоры очень велика. Следует помнить также об относительно недавнем появлении на политической карте мира Пакистана (1947) и Бангладеш (1971). Даже если понимать Индию в современных границах, нельзя не признать, что большинство так называемых пакистанцев — мирпурцы и остальные кашмирцы, а также мусульмане — беженцы из восточного Панджаба — выходцы с территории современной республики Индия. А подавляющее большинство так называемых бангладешцев — выходцы из исторического дистрикта Силхедт — уроженцы Ассама, большая часть которого осталась в составе Индии.

Можно считать, что пакистанцы — преимущественно индийские мусульмане и их потомки, поддерживающие политическую линию возникшего в 1947 г. Пакистана, бангладешцы — мусульмане-бенгальцы, выражающие политическую лояльность провозглашенному в 1972 г.¹ государству Бангладеш — исторической Восточной Бенгалии.

После 1947 г. независимость получили другие британские колонии, в 1948 г. — Бирма, затем — Малайя (Малайзия), Вест-Индия, Гайана, Восточная Африка. В 1996 г. под юрисдикцию Китая перешел Гонконг, причем более пяти тысяч живших там индийцев переехали в Англию. Помимо множества макроэкономических и макрополитических последствий передачи власти в британских колониях местным элитам (в частности, появления десятков новых независимых государств) отмечается процесс межэтнической борьбы и вытеснения из этих бывших колоний индийцев.

Как пишет видный специалист по истории южноазиатской диаспоры Х. Тинкер, «каждая страна хотела решить “индийскую проблему” путем <...> высылки всех индийцев в страну их происхождения» [Tinker 1977: 20]. Это можно было представить как акт революционной борьбы с остатками колониализма, чем в разные годы пользовались представлявшие коренное население лидеры Уганды, Кении, Гайаны, Фиджи. Так, из почти миллиона индийцев Бирмы к концу 1960-х годов в стране осталось только 250 тыс. чел, а из стран Восточной Африки к началу 1970-х годов уехало более 300 тыс. чел. Половина индо-фиджийцев и индо-гайанцев покинула страны своего проживания. Большинство «восточноафриканских» индийцев и часть индийцев из Вест-Индии осела в Великобритании, присоединившись к тем, кто уже прибыл из Южной Азии.

Переселение рабочих, студентов, предпринимателей из Южной Азии в Великобританию и формирование там новых этнических и профессиональных меньшинств стало значимым событием послевоенной истории. В то же время просто трудовой миграцией это сложное явление назвать нельзя. Речь идет о комплексном явлении, которое стало возможным лишь благодаря существованию колониальных связей и было спровоцировано распадом Британской Империи. Имеет смысл условно дать достаточно общее и широкое определение южноазиатской миграции в Великобританию как постколониальной, в отличие, например, от переселения законтрактованных индийских рабочих в Вест-Индию и на Фиджи, приезда индийских чиновников и предпринимателей в британскую Восточную Африку. Среди причин миграции из Юж-

---

¹ Формально независимость страны была провозглашена 15 декабря 1971 г.

ной Азии в Великобританию были факторы и притяжения, и выталкивания.

Рассмотрим прежде всего первую группу факторов, т.е. те обстоятельства в самой Великобритании, которые делали прибытие иммигрантов возможным или необходимым.

Во-первых, в этой стране в период масштабной реконструкции экономики существовал дефицит рабочей силы. Как отмечает российский исследователь В.И. Козлов, «ситуация в послевоенной Великобритании во многом способствовала развитию иммиграции» [Козлов 1987б: 17]. Страна потеряла около 400 тыс. человек убитыми и умершими от ран. Сотни тысяч инвалидов, вдов и сирот оказались на попечении государства. Многие города (Лондон, Ковентри, Эксетер, Плимут) пострадали от германских ракетно-бомбовых ударов. Требовали реконструкции железные дороги, были заброшены целые отрасли хозяйства.

Во-вторых, общественно-политическая ситуация в стране не позволяла предпринимателям и государству решить проблемы восстановления хозяйства путем сверхэксплуатации собственного населения. В 1945 г. в результате всеобщих парламентских выборов большинство британцев проголосовало за лейбористов, обещавших улучшение условий труда и повышение уровня жизни. Нежелание или неспособность англичан, уставших от войны, силой поддерживать Империю сказалось на ее быстром демонтаже, важнейшим элементом которого стало предоставление в 1947 г. независимости народам Индийского субконтинента.

Во внутренней политике пришедшее к власти правительство К. Эттли должно было учитывать предвыборные обещания своей партии и избегать усиления социальной напряженности, чем грозили любые меры по сокращению заработной платы и увеличению эксплуатации на производстве. В 1946 г. лейбористы национализировали угольную и сталелитейную промышленность. Тем самым они не только заложили основы возрождения британской экономики, но и сохранили старые производства, требовавшие сотен тысяч новых рабочих рук.

Выполняя взятые на себя обязательства, правительство лейбористов создало в 1945–1948 гг. систему социального страхования, а в 1948 г. — национальную службу здравоохранения. В обеих службах были созданы тысячи рабочих мест, однако предлагаемые ими низкооплачиваемые виды работ оказались малопривлекательными для большинства британцев. К тому же в стране отмечался бум рождаемости («baby boom»), следствием чего стали дополнительное сокращение числа работающих женщин, дефицит врачей, учителей, медсестер, работников дошкольных детских учреждений, социальных служб и т.д. Продолжалась эмиграция трудоспособных британцев из Великобритании в США, Австралию,

Новую Зеландию — страны, предоставлявшие лучшие условия жизни и труда.

В-третьих, международная политическая и экономическая ситуация Британии позволяла организовать ввоз дешевой рабочей силы для решения проблем возрождения экономики. Многие рабочие места, не востребованные самими британцами, сохранили свою привлекательность для иностранцев. Великобритания, не подвергшаяся прямому захвату неприятелем, пострадала в годы Второй мировой войны меньше других западноевропейских стран.

Поддержка, оказываемая американцами по плану Маршалла¹ в 1948–1952 гг., способствовала восстановлению разрушенного хозяйства и созданию в Соединенном Королевстве новых отраслей экономики (электротехника, электроника и т.д.). Восстановительные и строительные работы требовали новых рабочих рук. Средний уровень заработной платы в стране в первое послевоенное десятилетие был выше, чем в большинстве других развитых капиталистических стран [Великобритания... 1972: 16].

Неудивительно, что сюда устремились в поисках работы ирландцы, итальянцы, граждане стран Центральной Европы, интернированные фашистами и освобожденные союзниками, поляки из воевавших под британским командованием частей (корпус генерала Андерса) и т.д. Поскольку сами британцы при дефиците рабочей силы внутри страны имели возможность выбора, допущенные в Соединенное Королевство рабочие принимались для выполнения плохо оплачиваемого неквалифицированного труда, часто в сложных условиях: на открытом воздухе либо, наоборот, в горячих цехах, на вредном производстве и т.д.

Уже в середине XX в. в Англии наметилась тенденция к частичному совпадению классовых и этнических границ. Ирландцы, поляки, итальянцы работали в качестве чернорабочих, в то время как должности менеджеров, высококвалифицированных рабочих занимали, как правило, англичане, причем преимущественно жители юго-востока (Большой Лондон и тяготеющие к нему графства Кент, Эссекс, Сассекс, Суррей). В 1940-е годы европейские гувернантки были почти во всех семьях среднего класса. Многим представителям английского общества представлялось логичным, что кто-то иной, а не англичанин, должен выполнять в их стране черную и иную плохо оплачиваемую работу. Поэтому приезд чернорабочих не вызывал опасений у представителей английского высшего общества и среднего класса.

---

¹ В рамках программы по усилению своего влияния в Европе (так называемый план Маршалла) США оказали Великобритании значительную финансовую и экономическую помощь.

В-четвертых, помимо временного дефицита рабочей силы, связанного с экспансией экономики, отмечался недостаток квалифицированных, но традиционно низкооплачиваемых категорий трудящихся: учителей, младшего медицинского персонала и т.д. В британских колониях обучение и профессиональная подготовка этих специалистов велись по британской программе. В целом признавалось соответствие их квалификации общебританской. Жители бывших британских колоний могли свободно попасть в страну и устроиться в Англии на работу.

В-пятых, в центральных районах промышленных городов Великобритании сложился рынок жилья, нуждавшийся в небогатом и нетребовательном покупателе. В послевоенный период в так называемых «депрессивных»¹ зонах Англии и Шотландии из-за модернизации британской экономики произошло закрытие многих предприятий. Уволенные рабочие переезжали в другие города, где существовал дефицит рабочей силы. Кроме того, даже в пределах одного города высокооплачиваемые британские служащие и удачливые бизнесмены переезжали в пригороды, покидая дома старой застройки в центре города, где благодаря этому возникло существенное предложение старого, некачественного, но дешевого жилья.

Традиционным источником неквалифицированной рабочей силы для Англии была Ирландия. Около миллиона ирландцев-иммигрантов работали после Второй мировой войны в портах, на производстве и в строительстве в Ливерпуле, Манчестере, Лидсе. Всего же в королевстве проживали около четырех миллионов британцев ирландского происхождения, занятых преимущественно физическим трудом [Рабочее движение Великобритании... 1982: 19]. В послевоенные годы поляки, итальянцы также составляли значительную часть трудовых ресурсов Англии.

В 1950–1960-е годы экономическая ситуация в странах Западной Европы намного улучшилась. Благодаря плану Маршалла ряд стран (прежде всего Западная Германия, Франция, Италия) получили существенную экономическую помощь США и сумели оправиться от разрушительных последствий войны. Теперь страны континентальной Европы, прежде всего Франция и Германия, сами столкнулись с необходимостью привлечения из-за рубежа дешевой рабочей силы.

---

¹ Т.е. районы, переживающие упадок (депрессию), отстающие в развитии. К таким районам относят север Англии, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. Все они, кроме последней, — старые экономические области, выросшие на каменном угле. В них издавна сложилась узкая специализация по добыче угля, черной металлургии и судостроению. И теперь, несмотря на развитие некоторых новых производств, здесь все еще велико значение старых отраслей, часть которых продолжает находиться в упадке. См.: [Польская 1974: 39].

Между тем экономика Соединенного Королевства в 1950–1960-х годах стала испытывать определенные трудности вследствие изменения ее структуры и ослабления отношений с колониями и странами Содружества. С одной стороны, было заметно ускорение производственных процессов в экономике, но с другой — были очевидны отставание в темпах роста и диспропорция между перспективными и убыточными отраслями. Как справедливо замечают авторы труда «Великобритания» (Пронин, Хесин и др.), в стране «длительное время преимущественное развитие получали те отрасли, которые производили товары для колоний. <...> Превращение огромной колониальной “периферии” в закрытый рынок для продукции английских компаний надолго лишило их стимула к обновлению и переустройству экономической структуры, введению новой техники и технологии. Огромные накопления в основном использовались не для совершенствования производственного аппарата, а направлялись на расширение сферы торговли, финансов и нематериальных услуг, а также вывозились за границу» [Великобритания... 1972: 18].

Переориентация экономики на внутренний рынок требовала значительной реструктуризации. Между тем успешная конкуренция на европейском рынке была возможна только при значительном удешевлении британских товаров — при сверхэксплуатации рабочих на производстве и ограничении их потребления для мобилизации средств на закупку нового оборудования и на освоение новых технологий. Вследствие этого заработная плата рабочих и служащих низшего ранга росла в Альбионе медленнее, чем в других странах Западной Европы и не поспевала за ростом цен, что было также результатом политики вернувшихся к власти консерваторов, нацеленной на сокращение непроизводственных расходов.

Даже введение новой техники и технологии, модернизация производства вначале порождали дополнительные формы эксплуатации рабочих. На новой технике работали круглосуточно, в две-три смены, на что, как правило, соглашались только иностранцы. Таким образом, в 1950–1960-е годы условия неквалифицированного труда в Великобритании стали еще менее привлекательными для коренных англичан, чем за десятилетие до этого.

Между тем потенциальный источник дешевой рабочей силы в Европе в конце 1950-х годов почти иссяк в связи с упомянутыми изменениями на континенте и в самом королевстве. Британия нуждалась в новых резервах. В бывших колониях для этого были все возможности. До 1962 г. не существовало юридических препятствий для переезда тамошних жителей в Альбион. Разнообразные связи с бывшими колониями обеспечивали население страны продовольствием, а ее экономику —

сырьем. Так, в 1950 г. сельское хозяйство Великобритании могло прокормить лишь 23 млн чел., в то время как численность ее населения в тот период превышала 50 млн чел. [Великобритания... 1960: 6]. Зерно, картофель, овощи, фрукты, экзотические плоды, чай, кофе, какао поступали в Великобританию из других стран, прежде всего из стран Британского Содружества, с которыми у королевства существовали особые отношения и торговля с которыми имела режим наибольшего благоприятствования.

Особые связи Британии с бывшими колониями нашли отражение в законе о британском подданстве 1948 г. [British Nationality Act 1948]. Этот документ вступил в силу с начала 1949 г. Он признавал самостоятельность гражданства Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР, Индии, Пакистана, Цейлона (Шри-Ланки) и Южной Родезии, но позволял их жителям въезд в Англию на правах выходцев из стран, имевших с Британией особые отношения. Жители территорий, оставшихся к тому времени в зависимости от Великобритании (острова Вест-Индии, африканские страны) и не имевших местного гражданства, были приравнены к англичанам и объединены в группу «граждан Британии и колоний» [Козлов 1987: 20]. Именно с этих территорий, а конкретно из Вест-Индии, в 1950-е годы в Альбион стали прибывать рабочие-иммигранты.

В качестве дешевой рабочей силы в Альбион приглашались трудящиеся трех категорий. Первую и самую многочисленную группу составляли неквалифицированные рабочие. Две другие категории — это специалисты с высшим образованием и квалифицированные служащие (учителя, медсестры), дефицит которых также ощущался в Британии.

Опыт европейских иммигрантов в Англии показал, что приблизительно за десять лет им удавалось выучить язык, получить хорошую квалификацию, найти лучшую работу и жилье. Их рабочие места освобождались, так же как и ранее обжитые ими квартиры или дома. Европейских иммигрантов сменили вест-индцы, позднее к ним присоединились индийцы, пакистанцы, бангладешцы. Представляется возможным выделение для Британии десятилетнего иммиграционного цикла, когда среди иммигрантов преобладали определенные национальные группы: 1945–1955 гг. — европейцы; 1955–1964 гг. — вест-индцы; 1965–1974 гг. — индийцы и пакистанцы; 1975–1985 гг. (пик в 1980–1985) — бангладешцы¹.

Как уже отмечалось, британские предприниматели старались свести к минимуму свои расходы по найму и доставке рабочей силы. Они ис-

---

¹ Десятилетние циклы в отношении вест-индских и южноазиатских миграций в Соединенное Королевство отмечает Пич [Peach 1997: 122].

пользовали довольно благоприятную разницу в заработках, при которой стоимость жизни в бывших колониях (а следовательно, и заработок потенциальных трудовых мигрантов) был в 50–60 раз ниже, чем в метрополии. Переезд из заморских территорий в далекий Альбион был не дешев, хотя в связи с массовым введением пассажирского авиасообщения транспортные расходы в 1950–1960-е годы заметно снизились.

Рабочие из Вест-Индии, Индии и Пакистана, преимущественно молодые мужчины, были готовы на вычет суммы переезда из своего будущего жалования либо на другие формы оплаты переезда на работу. В случае с вест-индцами известен пример, когда транспортная служба муниципалитета Лондона (London Transport Executives) организовала контрактацию жителей острова Барбадос в качестве шоферов и кондукторов автобусов британской столицы.

Вест-индцы прибывали в Англию также по контрактам с администрацией железных дорог (British Rail) и министерством здравоохранения (National Health Service), другими официальными учреждениями, такими как Британская транспортная комиссия (British Transport Commission), Британская Ассоциация отелей и ресторанов (British Hotel and Restaurant Association) [Рабочее движение Великобритании... 1982: 21].

В отношении вест-индцев подобная контрактация была возможна, ибо на момент миграции они являлись гражданами Британии и колоний. Однако чаще переезд совершался при финансовой и иной помощи родственников мигрантов, их земляков, членов одной с ними профессиональной группы или секты. Особенно ярко это проявилось при миграции в Великобританию из Южной Азии, пик которой пришелся на период после провозглашения независимости государств Индии и Пакистан (а с 1971 г. и Бангладеш).

Факторы выталкивания и притяжения сыграли решающую роль при миграции в Великобританию ирландцев, итальянцев, вест-индцев, но южноазиатская миграция слабо поддается экономическому и географическому анализу на макроуровне. Так, в 1968 г. появилась новаторская работа К. Пича «Вест-индская миграция в Британию», в которой автор, профессор Оксфордского университета, показал прямую связь между состоянием британской экономики, ее потребностью в дешевой рабочей силе и миграцией из карибских государств Ямайки, Барбадоса и др. [Peach 1968]. Однако попытка ученика Пича В. Робинсона найти прямую связь между экономическим положением Британии и миграцией из Южной Азии в Британию такого результата не дала [Robinson 1980: 115–123].

В частности, оказалось, что пик бангладешской иммиграции в Альбион пришелся на годы, когда в Великобритании был высок уровень

безработицы и низок спрос на неквалифицированную рабочую силу в связи с реструктуризацией английской экономики. Зато в самой Бангладеш это были самые тяжелые годы, отмеченные стихийными бедствиями (наводнения), войной за независимость, многочисленными беспорядками, репрессиями пришедших к власти военных властей и экономическим спадом. Экономический спад в Британии в 1977 г. сказался на сокращении потока иммигрантов из Пакистана, но не оказал негативно-го воздействия на иммиграцию из Бангладеш. Это красноречиво говорит о том, что порой фактор выталкивания является даже более важным, чем фактор притяжения.

Рассмотрим теперь факторы выталкивания иммигрантов из Южной Азии. Страны Индийского субконтинента, из которых происходила рассматриваемая эмиграция, известны большой численностью населения. На Индийском субконтиненте в настоящее время проживает более миллиарда человек. Индию, Пакистан и Бангладеш отличают особо высокие темпы роста населения, следствием чего являются его дальнейшее омоложение, аграрная перенаселенность (большинство населения Южной Азии живет в сельской местности), безработица.

Частые для Бангладеш стихийные бедствия и нестабильность политического режима делают эту страну особенно уязвимой и зависимой от зарубежных кредиторов и международной гуманитарной помощи. Но и в Индии, и Пакистане имеются свои серьезные проблемы: неурожайные годы, политические кризисы, природные катаклизмы, экологические катастрофы, заставляющие местных жителей покидать родные места.

Высокий процент мелких парцеллярных крестьянских хозяйств определяет низкую товарность их продукции. Во многих районах этих стран отмечается наличие массы малоземельных крестьян, вынужденных покидать родные места в поисках временного заработка.

При явном избытке безземельных и безработных сельских жителей население субконтинента в целом, однако, достаточно инертно. Тот факт, что в британские колонии направлялись различные группы индийского населения, представители разных народов (хиндустанцы, панджабцы, тамилы, малаяли), говорит о наличии избыточного населения во многих странах и регионах Индийского субконтинента. Однако далеко не все территории, давшие мигрантов в Вест-Индию и Бирму, на Цейлон и в Малайзию, представлены в Великобритании.

Основную массу иммигрантов в Англию дали Панджаб, Кашмир, Силхет. Большинство иммигрантов в Соединенное Королевство — члены средних по имущественному и социальному статусу земледельческих и торговых общностей (кастовых и иных профессиональных групп), уже знакомых с опытом перемещений, не связанных долговыми обязательствами и слабо привязанных к земле. Отметим, что именно эти

категории (прежде всего панджабцы-сикхи) составили основную массу иммигрантов в развитые капиталистические страны: США (см.: [Раскин 1972: 255– 266]), Канаду (см. [Фурсова 1971, 1975]), Австралию, Новую Зеландию.

В отличие от предшествующей индийской миграции, это переселение южноазиатов в большей степени зависело от способности той или иной их группы мобилизовать собственные ресурсы, использовать имеющиеся капитал и информацию, организовать транспортировку, поселение и трудоустройство своих членов на новом месте.

Предоставление странам Южной Азии независимости и другие политические события, связанные с демонтажем британской колониальной империи, также значительно повлияли на причины и характер эмиграции. Почти все области, давшие значительную долю эмигрантов, стали пограничными в результате раздела Индии по конфессиональному признаку и испытали серьезные межконфессиональные столкновения или были вовлечены в междоусобные вооруженные конфликты.

Попытаемся представить, почему те или иные области дали наибольшее число эмигрантов, какие группы и почему наиболее активно участвовали в эмиграции. В основных районах рисосеяния (а это половина посевных площадей Индии, почти вся территория Бангладеш и часть территории Пакистана) урожаем собирают два-три раза в год, при этом все двенадцать месяцев идут работы по возделыванию и сбору этой трудоемкой культуры. Крестьяне производят эту культуру в основном для себя. Занятые на таких работах обеспечены по крайней мере минимумом продукции, нужной для выживания.

Бедность была и остается одной из главных причин эмиграции преимущественно сельских жителей. Традиционная практика раздела земельного участка между сыновьями приводила к невозможности прокормить их семьи за счет собственного земельного участка.

В южноазиатской деревне по-прежнему распространен безденежный обмен товарами и услугами, известный как система *джаджмани* или *балютадари*. Это препятствует накоплению капитала для покрытия расходов на миграцию. Слабая развитость товарных культур во многих районах также препятствует возникновению накоплений. Активная деятельность ростовщиков в южноазиатских деревнях и зависимость от них большинства земледельцев отмечались еще английской королевской Комиссией по сельскому хозяйству Индии (1925 г.). Долг перед ростовщиком, подчеркивали авторы доклада этой комиссии, — главный сдерживающий фактор для потенциальных мигрантов [Материалы... 1935: 141].

До недавнего времени ситуация не менялась и в независимых государствах Индия, Пакистан и Бангладеш. Любой отъезд трудоспособного

жителя деревни, а тем более главы семьи, предполагал погашение долгов ростовщику или их перераспределение. Затраты на переезд в Британию требовались значительные, что предполагало определенные инвестиции в эмиграцию.

Таким образом, эмигрировать в Англию могли либо представители обеспеченных групп населения, либо группы людей, способные мобилизовать родственные и кастовые связи для получения займа. Необходимо было также объяснить миграцию в контексте признанной в обществе системы ценностей, ибо не меньшее, если не большее значение, чем достаток, имеют для большинства рассматриваемых групп понятия «*иман*» — уважение, престиж, «*иззат*» — честь, достоинство, добропорядочность. Как правило, чтобы нарушить старую традицию, было необходимо вмешательство внешней силы — англичан — и создание новой традиции — переезда.

Основными регионами Южной Азии, давшими большинство мигрантов в Великобританию, а также значительное число мигрантов в другие страны (Канаду, США, Австралию, Новую Зеландию) являются Кашмир (области Мирпур и Балтистан в контролируемой Пакистаном части штата), Панджаб в составе британской Индии, а позднее — пакистанская провинция Панджаб (деревни близ городов Атток, Равалпинди, Гуджрат, Джелам, Фейсалабад) и индийский штат Панджаб (округ Джалландхар), Северо-Западная Пограничная Провинция британской Индии, а позднее — Пакистана (историческая область Чхач, примыкающая к Панджабу), округ Силхет провинции Ассам в Британской Индии, позднее оказавшийся в составе Пакистана, а затем — Бангладеш.

Все эти регионы страдали и страдают от перенаселенности, при этом здесь нет жесткой привязанности населения к земле. Это в основном (за исключением Панджаба) земли «*барани*», т.е. не имеющие искусственной ирригации. Гарантировано здесь получали лишь один урожай. Культура риса в данных районах не является доминирующей, и, следовательно, работники, прежде всего мужчины, могут покидать родные деревни на три-четыре месяца до созревания урожая проса, пшеницы, кукурузы и искать дополнительный заработок.

Еще в колониальный период наблюдалось отходничество из деревень в этих округах в города Лаялпур (Фейсалабад), Джалландхар, Читтагонг. Газеттир Панджабского округа Джелам отмечает существенную миграцию кашмирцев в округ в 1881 г. (6149 чел.), в 1891 г. (5713 чел.) и 1901 г. (4118 чел.) [Punjab District Gazetteers, vol. XXVII B, Jhelum District. Statistical Table XV: XXVII].

Воинские традиции сикхов и пуштунов вызвали интерес британской администрации, которая именно из их числа вербовала солдат колониальной армии, в то время как мирпурцы набирались преимущест-

венно в военно-морской флот Британской Индии, а силхетцы служили в торговом флоте. Сикхи и панджабцы-мусульмане из земледельческой касты арайн привлекались британцами к освоению заброшенных земель на западе Панджаба. В 1947 г. большинство сикхов были оттуда изгнаны, в то время как арайн бежали из западной части провинции, оставшейся под контролем Индии.

Помимо свободы въезда индийцев в Англию и заинтересованности в них британской промышленности американский исследователь Ле Брак в качестве причин миграции отмечает проблемы в индийском хозяйстве, неурожаи, нехватку зерна и капитала на родине [Le Brack 1989: 273].

Итак, у рассмотренных групп уже существовали традиции миграции и тесные связи с британской администрацией. Во время раздела они были вынуждены покинуть родные места насовсем и часто не получали адекватного участка земли на новом месте. Зато правительства Индии и Пакистана выделяли беженцам денежную компенсацию, сумма которой позволяла многим покинуть страну. Именно отставные военные и моряки имели паспорта и потому могли беспрепятственно попасть в метрополию.

Эмиграция из Мирпура приобрела массовый характер после 1960 г., когда одноименный город и сотни деревень вокруг него были затоплены водами реки Джелам и оказались на дне искусственного водохранилища, созданного правительством Пакистана при возведении плотины (Мангладам) и гидроузла на территории контролируемой этой страной части Кашмира (так называемый Азад Кашмир). Полученная от правительства компенсация за дома и участки была использована многими мирпурцами для переезда в Британию.

Южноазиатская миграция является по своему характеру цепной. В ее основе лежат более тесные, чем у большинства коренных британцев, связи между близкими родственниками и налаженные контакты между большими группами дальних (либо даже условных) родственников. Очень тесные родственные, соседские, земляческие связи характерны для докапиталистических обществ.

Иные, чем в западном индивидуалистическом обществе, установки позволяют южноазиатам реализовать ресурсы, невостребованные коренными британцами. В частности, коллектив небогатых родственников способен спонсировать дальнюю поездку и проживание за границей одного из них, либо покупку для него дома, либо какое-либо иное значительное финансовое вложение. Спонсируемый член этой группы родственников берет на себя определенные обязательства по отношению к своим неформальным кредиторам и помогает им или другим их родным

в дальнейшем устроиться за границей, а также посылает заработанные деньги на нужды данного коллектива.

На родине, в родной деревне (или квартале города — *мохалле*) нередко возникает ажитаж, названный американским исследователем Ле Браком «иммиграционной лихорадкой» [Le Brack 1989: 273]. В 1950-х годах «иммиграционная горячка» наблюдалась, например, в джатских деревнях Доаба. Джаты выезжали преимущественно в Великобританию. Сходные настроения переживали жители Силхета, области, где, по словам британского исследователя Гарднер, все имели родственников в Англии, все готовы были уехать. В Силхете существуют многочисленные деревни («лондони касба»), значительная часть жителей которых уехала в Лондон, Манчестер, Лидс, другие британские города [Gardner 2001: 490]. В таких деревнях и по соседству с ними силхетцы-*бидеши* (т.е. уехавшие за рубеж) покупают землю, в то время как местные бангладешцы продают или закладывают землю, чтобы уехать за границу.

Именно в контексте цепной миграции можно объяснить довольно большую долю (около 10 %) представителей бывших неприкасаемых каст (*чухра, равидаси, чамаров*) среди мигрантов из Панджаба, осевших в Великобритании. Изучавшая эти группы в Британии Джулия Лезли отмечает, что попавшие на должность чиновников паспортных служб члены неприкасаемых в Индии помогли оформить паспорта тысячам своих сокастников, что облегчило их переезд в Британию [Leslie 2003].

Исследователь южноазиатской диаспоры Хью Тинкер назвал свою книгу об эмигрантах из Индии, Пакистана и Бангладеш «Дерево баньяна» [Tinker 1977], вызывая в памяти очень яркий образ. Баньян — дерево с тысячами ветвей-корней, касаясь земли, пускает побеги-стволы, которые, в свою очередь, также дают множество новых ответвлений-корней. В результате за столетия одно дерево превращается в настоящую рощу. Жители южноазиатского субконтинента при обычных обстоятельствах мало мобильны, но, выведенные из состояния покоя, они, подобно ветвям-корням баньяна, способны укрепиться и дать побеги на новом месте. Это прекрасно видно на примере индийцев, пакистанцев и бангладешцев, осевших в Великобритании.

На 1961 г. в Великобритании (преимущественно в Англии) проживало около 169 тыс. выходцев из Индии и 32 тыс. из Пакистана. К этому времени ситуация в Великобритании ухудшилась в связи с изменениями в области спроса на английские товары и другими обстоятельствами. Характер экономического развития страны определил необходимость поддержки новых отраслей и сокращения старых, введения новых технологий, что сопровождалось сокращением мест для неквалифицированных специалистов.

Вест-индцы (240 тыс. чел.) и южноазиаты (более 200 тыс. чел.) составили заметную конкуренцию неквалифицированным рабочим из среды «белых» британцев. Последние были также обеспокоены формированием мест концентрации иммигрантов, их внешней непохожестью и отличиями культуры и быта, а также связанным с неустроенностью иммигрантов ростом преступности в их кварталах.

Вероятно, британские власти учитывали это, а также перспективы скорого предоставления независимости африканским колониям. В 1961 г. парламент принял иммиграционный закон, регламентировавший правила въезда в страну для жителей бывших и настоящих (на момент принятия закона) колоний. Согласно новому закону граждане стран Содружества, а также владельцы паспортов Британии и колоний, выданных в канцеляриях губернаторов зависимых территорий, лишались автоматического разрешения на въезд в страну.

Так называемая «Белая Книга. Иммиграция из стран Содружества» 1965 г. определила будущую правительственную политику по данному вопросу. Теперь въезжавшие на длительный срок должны были доказать свое истинно «британское» происхождение либо получить разрешение на въезд в качестве рабочей силы от Министерства труда. Количество ваучеров было ограничено, но предпочтение отдавалось в категории С (неквалифицированные рабочие) лицам, служившим в британских вооруженных силах, военно-морском и торговом флоте, а именно к этим категориям и относилось большинство настроенных на эмиграцию мирпурцев, панджабцев, силхетцев.

Система выдачи ваучеров предполагала предоставление предпринимателями заявки на рабочих, а также письма-рекомендации со стороны уже работавших в стране лиц. Ваучеры стали составной частью традиционной южноазиатской семейной и кастовой системы обмена товарами и услугами, а также объектом купли-продажи. Они оказались монополизированы различными родственными и земляческими группами. Кроме того, к началу 1960-х годов в Индии, Пакистане и Великобритании возникли посреднические фирмы, занимавшиеся организацией иммиграции, часто под видом туризма.

Законодательное изменение статуса иммигрантов из стран Содружества и неопределенность их дальнейшего нахождения в стране (необходимость регулярно возобновлять ваучеры) вызвали опасения иммигрантов в том, смогут ли они через пять или десять лет вернуться в Соединенное Королевство даже после непродолжительной поездки домой. При этом политика «африканизации», спровоцировавшая в 1960-е годы бегство из стран Восточной Африки сотен тысяч южноазиатов, вынудила правительство Соединенного Королевства предоставить убежище тем из них, кто имел паспорта Британии и Содружества. В настоящее

время восточноафриканские «азиаты» и их потомки составляют в Британии значительное меньшинство (около 200 тыс. чел).

Между тем в Соединенном Королевстве обеспокоенность жителей въездом все большего числа людей необычного внешнего облика, привычек, норм поведения породила некоторые крайне реакционные движения. В 1967 г. была создана партия Британский национальный фронт, ставившая своей целью выдворение иммигрантов из страны. На следующий год в Бирмингеме один из видных лидеров тори Инок Пауэлл выступил с печально известной речью, выразив озабоченность значительной части консервативно настроенного населения в связи с «наплывом иммигрантов» [Худолей 1984: 13]. В феврале того же года состоялась знаменитая «марафонская сессия» палаты лордов, которые заседали до 10 часов утра, решая вопрос об иммигрантах азиатского происхождения, прибывших из Кении [Сэмпсон 1975: 44].

В странах, куда индийцы попадали по приглашению англичан и при их поддержке, а то и просто обманом выманенные из родных мест, они были призваны заполнить существующие ниши в колониальной структуре — в качестве санитаров, мелких чиновников, строителей, квалифицированных рабочих. Оплата их труда была в десятки раз меньше, чем у работавших в колониях англичан, но все-таки значительно превосходила доходы местных рабочих и крестьян. Выступая своеобразными посредниками между колонизаторами и угнетенными народами, индийцы как раз и воспринимались обеими сторонами как худшие представители колониальной системы и стали первыми жертвами ее развала. Иммигрантам южноазиатского происхождения из Восточной Африки позволили поселиться в Англии, что вызвало неоднозначную реакцию в британском обществе. В том же году был принят закон об иммиграции, еще более ужесточивший дальнейшее переселение из бывших колоний в Альбион.

В 1968 г. британские власти и предприниматели перестали выдавать свидетельства о занятости неквалифицированным рабочим [Рабочее движение в Великобритании... 1982: 12]. Это обстоятельство осложняло положение недавних иммигрантов, прежде всего индийцев и пакистанцев. Закон об иммиграции 1968 г. лишал граждан Соединенного Королевства, которые в нем не родились либо не имели там родственников, права свободного въезда в Британию. Иммигрантам приходилось расставаться с тем, что исследователь Мухаммад Анвар назвал «мифом о возвращении» [Anwar 1979].

Ранее иммигранты из стран Южной Азии видели свое пребывание в Англии временным. Они оставляли на родине семьи, совершали туда регулярные поездки раз в несколько лет и предполагали в старости вернуться в родные места. Теперь они отказались от практики посещения

родственников и стали вызывать в Альбион свои семьи. В результате этого вместо сокращения числа иммигрантов закон спровоцировал увеличение их числа среди определенных групп (прежде всего — южноазиатов), а также изменение характера миграции, что впоследствии привело к формированию новых крупных этнических и конфессиональных меньшинств в Соединенном Королевстве.

Однако в дальнейшем ряд новых законов (1971, 1981, 1988 гг.) ужесточил нормы иммиграционного контроля, и, за исключением беженцев из Восточной Африки, большинство вновь прибывших в Альбион составляли родственники уже осевших южноазиатов, попавшие в страну по линии воссоединения семей. Наличие многолетних семей и практика подделки документов в странах Южной Азии способствовали прибытию в Альбион племянников и других родственников под видом сыновей, а также въезд рабочих из числа сокастников на частные предприятия. Попытки британских властей ввести более жесткий контроль в аэропортах привели к стычкам полиции с иммигрантами и членами правозащитных организаций. От этих мер властям пришлось отказаться.

Таким образом, попытки введения государственного контроля за иммиграцией (прежде всего ее южноазиатской составляющей) привели к усилению ее цепного характера и даже некоторому ее увеличению, которое, однако, можно было скрыть или трактовать как воссоединение семей. Практика заключения браков по сговору привела к въезду в страну значительной группы брачных партнеров к уже осевшим южноазиатам, хотя в 1980–1990-е годы британские иммиграционные власти пытались ввести законодательные меры ограничения въезда по этой линии.

Политические события начала 1970-х годов, не изменив отмеченной тенденции на смену рабочей миграции воссоединением семей и на отказ от «мифа о возвращении» в целом, внесли значительные коррективы в характер миграции из областей с мусульманским населением. Давно назревший конфликт между восточной и западными провинциями Пакистана вылился в войну за независимость востока и завершился созданием государства Бангладеш (декабрь 1971 г.).

Признание Бангладеш Британским Содружеством вызвало недовольство Пакистана, руководство которого заявило о выходе страны из этой международной организации. Последнее обстоятельство определило пересмотр британскими властями статуса уже осевших в стране пакистанцев. Так как неграждане Британии и Содружества, каковыми становились теперь и пакистанцы, не имели права занимать места на английской государственной службе, всем пакистанцам, осевшим в Соединенном Королевстве и состоявшим на государственной службе, было предложено принять британское гражданство, а также вызвать свои семьи из Пакистана.

В свою очередь, выходцы из Бангладеш получили возможность претендовать на статус беженцев, ибо и военные власти, и официально избранные правительства с одинаковой жестокостью подавляли и подавляют в этой стране любое проявление инакомыслия. Таким образом, эти два следствия образования Бангладеш сказались на росте иммиграции мусульман из обеих частей бывшего Пакистана в Великобританию, а также на увеличении числа женщин и детей в их составе. В то же время новые потенциальные рабочие мигранты из Пакистана стали теперь иностранцами и столкнулись со многими ограничениями.

Кроме того, в 1972 г. британские власти отменили систему ваучеров для неквалифицированных рабочих. В страну могли теперь попасть только родственники иммигрантов (по крови или браку, но порой и фиктивные). Опасаясь, что они уже не смогут вновь устроиться в Британии на работу, пакистанцы вслед за индийцами отказались от «мифа о возвращении», т.е. убеждения, что они здесь временные рабочие, ранее определявшего их тактику при трудоустройстве и поиске жилья.

В 1955 г. в Соединенное Королевство прибыло 5 тыс. пакистанцев, в 1955–1964 гг. — 41 тыс., в 1965–1974 — 73 тыс., в 1975–1984 гг. — 63 тыс.¹ Подавляющее большинство их — мужчины. Свидетельство тому — малое число рожденных в Соединенном Королевстве до 1971 г. — 10 % от общего числа «пакистанцев» — уроженцев Британии [Robinson 1996: 195, tabl. 6.15, 5.16]. Однако с изменением иммиграционной политики британского правительства отмечается смещение ориентиров иммигрантов. На смену «мифа о возвращении» пришло убеждение в необходимости «успеть до звонка» (англ. ‘to beat the ban’ — «преодолеть запрет», т.е. до дальнейшего ужесточения въездных процедур), что выразилось в вызове семей и других родственников. Часто в Великобританию из Южной Азии прибывают родственники, которых британцы — уроженцы индийского субконтинента — называют детьми, но которые в действительности являются племянниками, племянницами либо невестками и зятьями. Индийские термины родства не различают братьев и двоюродных братьев по отцу (*бхай*), сестер и двоюродных сестер (*бэхин*).

Таким же образом в Британию под видом детей уже осевших пакистанцев и бангладешцев прибывают потенциальные невесты, домашние слуги и даже домашние рабыни и наложницы [ЕЕ. 14 Feb. 1997]. Вслед за миграцией мужчин в 1950-е годы в 1960–1970-е годы стали преобладать потоки женщин, преимущественно жен и невест индийцев, пакистанцев и бангладешцев.

В период экономического спада начала 1970-х годов Великобритания, как и другие европейские страны, ощутила, что даже рабочие-

---

¹ Без учета жителей Восточной Бенгалии (см.: [Coleman, Salt 1994: 451, tabl. 11.4]).

иммигранты, не говоря об их иждивенцах, могут оказаться существенным бременем для ее и без того весьма несовершенной системы социальной защиты. Руководство страны предприняло попытку закрыть «лазейки» для потенциальных иммигрантов. В 1980-е годы в Великобритании была введена система, при которой прибывающие в страну женихи или невесты британских граждан должны были доказать, что не иммиграция в Британию является их главной целью¹.

Пересматривалась и политика в отношении беженцев. В конце 1980-х годов Министерство иностранных дел и по делам Содружества исключило Пакистан из списка стран, где нарушаются права человека, по существу лишив тысячи пакистанцев права требовать такой статус и разрешения въезда в страну со статусом беженца [АА. 28 Oct. 1996].

Закон об иммиграции 1988 г. в целом подтверждал действие принятых ранее иммиграционных законов, но запрещал въезд в страну граждан Содружества по приглашению лиц, не имеющих средств к существованию. Данная мера предполагала ограничение иммиграции лиц, рассчитывающих на пособия и другие формы государственной помощи. По расчетам британского исследователя К. Платта, этот закон ограничивал въезд в страну 70 % жен бангладешцев и 90 % их детей [Platt 1991: 3].

Отказ от «мифа о возвращении» сказался на изменении половозрастной структуры южноазиатских групп в Великобритании, которая стала более сбалансированной². Приезд семей определил отказ южноазиатов от регулярных поездок в страну выхода, покупки там имущества и земли, оказания финансовой помощи родственникам. С конца 1980-х годов южноазиатская община Великобритании растет преимущественно за счет тех, кто был рожден в этой стране от родителей индийцев, пакистанцев и бангладешцев. Тем не менее определенные группы южноазиатов прибывают по линии воссоединения семей, а также в качестве нелегальных иммигрантов. Последнее обстоятельство особенно характерно для бангладешцев.

В британской (и не только) экономике существовала и существует система, при которой даже при наличии резервной армии труда всегда есть временные и непривлекательные вакансии, отражающие значи-

---

¹ В 1980 г. британские иммиграционные власти ввели «Правило о первоначальной цели» (Primary Purpose Rule), ограничивающее въезд в страну молодых невест и жен иммигрантов, но к этому времени в самой Великобритании сложился значительный пул брачных партнеров, принадлежащих ко всем основным конфессиональным, этническим, кастовым группам южноазиатов. В 1998 г. это правило было отменено правительством лейбористов.

² Вообще несколько большее число мужчин, чем женщин, в целом характерно для населения Южной Азии. Так, в 1964 г. на 1000 мужчин в Южной Азии в целом приходилось 940 женщин [Народы Южной Азии... 1963: 23]. Высокий удельный вес детских и юношеских возрастов также характерен для Южной Азии. На 1961 г. дети до 14 лет составляли 38 % населения Индии и 40 % населения Пакистана [Там же: 24].

тельный дефицит определенных категорий рабочих [Дубинский 1971: 51]. При этом перспективность той или иной работы определяется не только и не столько заработной платой, но и условиями труда, общественным статусом, системой льгот и условиями социальной защиты. По-прежнему в Британии есть нужда во временных неквалифицированных рабочих. Более того, в некоторых случаях, например в ресторанном бизнесе, многие предприятия могут существовать только при использовании нелегального труда иммигрантов.

По данным одного из выборочных исследований, около трети предприятий мелкого бизнеса Великобритании в той или иной форме используют труд нелегальных рабочих, значительно недоплачивая им, не внося за них взносы в фонд социального страхования [Михайлов 1988]. Иначе расходы на социальное страхование и налоги сделали бы эти малоприбыльные заведения невыгодными.

Примечательно, что прибывавшие в Британию в 1980-е годы бангладешцы оставались в значительной массе формально безработными, но находили временный заработок в качестве официантов и других работников в многочисленных «индийских» рестораничках. Государство и общество также заинтересованы в таких нелегальных рабочих, ибо, используя их труд, выжав их как губку, они всегда могут выслать последних из страны, указав на их нелегальное нахождение.

В последнее десятилетие заметно увеличение числа программистов и других специалистов в области высоких технологий, прибывающих из Индии. Число допусков на работу для этих специалистов из Индии выросло с 1997 в 1995 г. до 5 тыс. 663 в 1999 г. 51,4 % всех получивших такие разрешения для въезда в Англию на работу — программисты [Report... 2001: 122]. При этом две трети программистов, прибывающих в Великобританию на работу, — индийцы.

В 2000 г. в Великобританию прибыло 18 257 специалистов в области высоких технологий, из них — 11 474 — граждане Индии, а большинство остальных — индийцы из США [Ibid]. В 2001 г. число граждан из Индии и индийцев из США, прибывавших по этой линии, выросло еще больше. К тому же индийцы составили большинство специалистов, прибывающих из Австралии (708) и Южной Африки (748). По этой же линии прибыло в Великобританию 132 программиста из Пакистана и 15 бангладешцев.

Помимо специалистов-профессионалов в Англию продолжают прибывать индийские бизнесмены, сто фирм которых (65 в области создания высоких технологий) зарегистрированы в Альбионе.